

Пролог

*Разводить пчел — все равно что
управлять солнечными лучами.*

Генри Дэвид Торо.
Из «Дневника пчеловода»
Неда Бладворта

*Сентябрь, 1943.
Франция, Прованс*

Мертвые пчелы падали с мрачного закатного неба; их легкие тельца кувыркалились в воздухе и бились о бирюзовую крышку улья. Жиль выпрямился, вдыхая густую смесь ароматов лаванды, меда, летних трав, собственного пота... И чего-то еще. Чего-то химического, чуждого и неуместного на лавандово-золотых полях. Чего-то, объясняющего и трупики пчел, и кружившихся над ними стервятниками ласточек.

— *Ah! Vous dirais-je, maman*¹, — идеально чистым голоском пела его трехлетняя дочь, сидя на перевернутом ведре, не замечая ни неба, ни пчел, ни страха, который на миг вышиб воздух из его легких.

¹ Скажу я вам, мама (фр.)

— *Colette, calme-toi*¹, — сказал Жиль, приложив палец к губам.

Девочка замолчала и удивленно взглянула на отца темными глазами. Он никогда прежде не прерывал ее пения.

Жиль, не отнимая палец от губ, закрыл глаза и прислушался. Из улья вырвался низкий гул, затем он стал тише, словно кто-то выкрутил ручку громкости на радиоприемнике. Верный знак любому пчеловоду: что-то не так. Возможно, умерла матка. Или паразиты — клещи либо жуки — пробрались в улей и убивают пчел.

Или вся колония узнала, еще раньше Жилия, что единственное, чего он страшился — и молился, чтобы этого никогда не случилось, — ждет их на пороге. И пчелы выбрали внезапную смерть вместо долгой и мучительной.

Жиль напряг слух, пытаясь расслышать отдаленные звуки сквозь гудение пчел, крики птиц и собственное дыхание. Да. Вот оно. Шум нескольких двигателей. Судя по звуку, не легковые машины — грузовики. Огромные грузовики для перевозки людей, медленной вереницей катящие по дороге между маленькими фермами и цветущими лугами Прованса.

Видимо, это неизбежность. Их некому было защитить, когда немцы вторглись в свободную зону на юге Франции в ноябре прошлого года. Жиль протяжно вздохнул, глядя, как облако пыли и сухой

¹ Колетт, тише (*фр.*)

травы, поднятое колесами грузовика с извилистой грунтовой дороги, стекает вниз в долину, словно ядовитый газ. Он подумал о семье, которая в эту самую минуту прячется в его сарае, в маленькой комнатке под потайным люком, прикрытым тюками сена. Мать, отец и трое ребятишек; женщина ждет четвертого. Он даже не спросил их имена. Такие семьи появлялись в его доме так часто и так ненадолго, что он перестал спрашивать. Когда приходила весть, что кто-то из них не добрался до гор, было легче не знать их имен.

Жиль тихо выругался. Три дня назад, когда к нему заглянул подручный полицая, он все понял. Заметил, как взгляд парня обшарил комнату, прибранный стол, скамью, слишком ровно стоящую вдоль стены. Паутина из всех углов выметена, инструменты аккуратно разложены по местам. Все признаки женской руки в доме — притом что жена Жили умерла три года назад.

Да, Жиль понял еще тогда. И пчелы поняли.

Полчаса. Все, что у него есть, пока грузовики не доберутся до фермы, стоящей в тени шато. Пока не заметят ярко выкрашенные ульи и каменный дом, в котором почти двести лет обитали поколения его семьи. Пока не зайдут в сарай и не начнут ворошить сено. Выхлопные газы защекотали ноздри Жили, перебили сладкие ароматы любимых полей. Он резко повернулся к Колетт:

— C'est le temps¹.

¹ Пора (*фр.*).

Подхватил дочь на руки и побежал, чувствуя ее теплое дыхание на своей шее. Он еще не достиг сарая, когда девочка начала плакать, а к тому времени, как семья выбралась из укрытия и бросилась бежать по лавандовому полю, преследуемая собственными тенями, всхлипы Колетт перешли в икоту.

На кухне в задней части дома Жиль взял маленький кожаный чемодан, принадлежавший матери Колетт, собранный в тот день, когда он решил, что больше не станет держаться в стороне. Осторожно снял чайник с буфета, где тот стоял между таких же чашек и блюдец, подержал тонкий фарфор в грубых пальцах. Покойная жена любила красивые вещи, любила красиво сервировать стол и пить чай из изысканных чашек. Фарфоровый сервиз был свадебным подарком хозяев шато его деду и бабушке в благодарность за долгие годы преданной службы.

Жиль завернул чайник в маленькое полотенце и спрятал среди вещей Колетт в чемодане, затем вновь взял девочку на руки, прижался лбом к ее лобику.

— Все будет хорошо, *ma petite chérie*¹. Мадам Боско обещала присмотреть за тобой, пока я не вернусь.

Взяв чемодан, он быстро вышел из дома и направился к соседней ферме. В большом итало-французском семействе Боско своих детей было семеро, однако они не спросили Жюлия, с чего ему может

¹ Моя дорогая малышка (*фр.*).

понадобиться оставить им дочь на неопределенное время. Понимали, что лучше не знать.

— *Non, Papa!*

Нижняя губка Колетт задрожала, но Жиль не замедлил шаг и не обернулся. Лишь прижал ее белокурую голову к своей груди и зашагал быстрее, глядя на освещенные окна каменного дома. Белые простыни реяли на веревке, подобно сигналу тревоги.

Дверь открылась, не успел он к ней подойти. Дородная фигура мадам Боско заполнила проем; из-за ее спины выглянула маленькая девочка, темноволосая, как мать, но тоненькая как тростинка.

— Иди в дом, — велела ей мадам Боско. — И смотри, чтобы твои братья и сестры не подходили к двери.

Мадам Боско повернулась к Жилю.

— Сейчас? — тихо спросила она.

Он кивнул, еще крепче прижимая Колетт к себе, зная, что просит свое дитя о невозможном. Зная, что подобная сцена в эти дни разыгрывается вновь и вновь на полыхающих полях Европы. Хор детских плачущих голосов и отчаянного воя родителей неслется сквозь тяжелый воздух, пропахший дымом пожаров. Этот горестный хор звучит отчетливо, да только никто не слышит.

Жиль прижался губами к потному лобку Колетт и залитым слезами щекам, в последний раз вдыхая родной запах.

— Ты мое сердце, *ma chérie*, — сказал он, обхватив ее маленький кулачок своей огромной ладо-

ную: они играли так каждый вечер. — И только ты можешь его освободить.

Он разжал ладонь, выпрямил пальцы и легонько пошевелил ими — так колышутся лепестки подсолнуха на ветру. Несмотря на слезы, малышка вспомнила свою роль и раскрыла ладонь. Маленькие пальчики пошевелились медленно и неохотно.

— Помни, — прошептал Жиль ей на ушко, нежное, как цветок. — Помни: ты в моем сердце.

Боясь передумать, он быстро передал Колетт в распахнутые объятия мадам Боско. Глаза женщины наполнились слезами, когда она приняла всхлипывающего ребенка.

— Мы позаботимся о ней, пока ты не вернешься. Мы уже предупредили детей.

Жиль кивнул, вспоминая, как мать Колетт гладила белокурые локоны дочери, достал из кармана открытку и протянул ее мадам. Края открытки истрепались, разлохматились — он так часто брал ее в руки и перечитывал, что фотография пляжа с невероятно белым песком отпечаталась в его памяти. Мадам взяла карточку, ее большой палец закрыл иностранную марку.

— Если что-нибудь случится, напишите моему другу. Здесь его имя и адрес. Если я не смогу вас найти, поеду к нему. — Он помолчал. — Спрячьте ее. Так будет для вас безопаснее. Не задавайте вопросов.

Мадам Боско кивнула, и он заметил, что рука, которая держит открытку, дрожит.

— Буду молиться о том, что, когда все закончится, я верну вам в руки и Колетт, и открытку.

Жиль печально посмотрел на нее.

— Надеюсь, Бог услышит ваши молитвы. Мои давно до него не доходят. — Подняв чемодан, он поставил его на порог. — Будьте с ним осторожны. Я уложил кое-что драгоценное, память о нашем доме и семье.

Жиль в последний раз прижался губами к мягким локонам Колетт.

— *Au revoir, ma chérie*¹. Я вернусь за тобой, обещаю. Сколько бы времени ни прошло.

Дочь смотрела на него снизу вверх глазами своей матери, большими и темными.

— *Ne va pas, Papa!*² Не оставляй меня.

Мадам взяла девочку на руки, но та принялась вырываться, отчаянно дрыгая ногами.

— Да хранит вас Бог, пока мы не встретимся вновь, — проговорила мадам.

Жиль положил ладонь на ее руку и крепко сжал. Скорбь, как цемент, сдавила его горло.

Он быстро зашагал к полю и, оглянувшись в последний раз, побежал. Он слышал крик дочери, и ему казалось, что он слышит плач умирающих пчел, которые падают на иссушенную землю, оплакивая все, что было хорошего в прошлом.

¹ До встречи, моя дорогая (*фр.*).

² Не уходи, папа! (*фр.*)

Глава 1

*Пчела собирает мед с цветка,
стараясь причинить ему как можно меньше
вреда, и оставляет цветок неповрежденным
и свежим, каким он был до нее.*

Святой Франциск Сальский.
Из «Дневника пчеловода»
Неда Бладворта

*Джорджия. Апрель 2015.
Новый Орлеан*

Воспоминания — воры. Подкрадываются, когда ты меньше всего ожидаешь, прижимают холодные руки к твоему лицу, душат. Даже в самые жаркие дни от них веет холодом, посреди ночи они будят тебя резким тычком. Дед однажды сказал мне, что воспоминания — как вода из крана, а кран можно отвернуть или завернуть по желанию, и что когда я стану такой же старой, как он, я научусь это делать. Видимо, я пока недостаточно стара: мои воспоминания всегда в положении «включено», в голову так и льются картины и обрывки разговоров, которые я мечтаю забыть.

Возможно, это и объясняет мою одержимость антикварными часами, старыми шкапами и вин-

тажной одеждой; мое очарование старинными книгами с их ветхими страницами, разрозненными предметами из фарфоровых сервизов и ржавыми замками и ключами. Как будто мне в руки попали некие реликты, чтобы я могла заполнить ими свое прошлое, заменить ими собственные воспоминания.

Больше всего я любила старый фарфор. Он давал мне возможность проживать чью-то воображаемую жизнь, принимать участие в семейных сборах и праздниках, разыгрывать чужую роль. Несмотря на уверенность моей семьи в том, что из меня не выйдет ничего путного — а может, как раз благодаря ей, — я нашла дело, которое не только любила, но которое мне по-настоящему хорошо удавалось. Я стала экспертом по антиквариату, востребованным консультантом — и веским доказательством того, что можно стать кем-то новым, совсем не тем, кем был раньше. Если бы научиться еще отключать непрошенные воспоминания, то, наверное, я смогла бы уютно раствориться в этой новой жизни, которую создала себе из старинного фарфора и мебели, выброшенной на помойку.

Обмакнув ватную палочку в чистящий раствор, я провела ею по тонкому спиральному узору железного замка, лежащего на моем столе. Висячий замок в форме щита я нашла на распродаже усадьбы в Нью-Хэмпшире, в коробке со старой конской упряжкой. Мистер Мэндвилл, мой босс и владелец антикварного салона «Биг Изи Гэлери», скрепя сердце позволил мне туда поехать. У меня был хо-